

НИКИТА КЛИМОВ

ДЕТЕКТИВ НА ПЕНСИИ

Варенье с горчинкой

Расследования Зинаиды Павловны

Никита Климов

Варенье с горчинкой

«Автор»

2026

Климов Н. А.

Варенье с горчинкой / Н. А. Климов — «Автор», 2026

Зинаида Павловна Воронцова сорок лет проработала участковым терапевтом и до сих пор встаёт в шесть утра без будильника. На пенсии у неё дача в садовом товариществе «Рябинка», такса Пуговица с нюхом лучше любой ищейки и подруга Люся, которая двенадцать лет мечтает победить на конкурсе варенья. В этом году у Люси есть секретный ингредиент. Но председатель товарищества, грубиян и скряга Бурков, пробует её вишнёвое варенье, говорит «горчит!» — и падает замертво. Экспертиза находит в банке яд, и Люсю увозят в изолятор. Полиция уверена, что всё ясно. Но Зинаида Павловна ещё утром заметила у председателя симптомы, которые не имеют никакого отношения к варенью. У неё есть тонометр, клеёнчатая тетрадь, двенадцатилетний внук-компьютерщик и сорок восемь часов, чтобы найти убийцу среди соседей, которых она лечила полжизни. Уютный иронический детектив о дружбе, дачной жизни и о том, что опыт не выходит на пенсию. В конце книги — рецепт того самого вишнёвого варенья.

© Климов Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Никита Климов

Варенье с горчинкой

*Если варенье горчит — дело не в варенье.
Зинаида Павловна Воронцова, участковый терапевт (на пенсии)*

Глава 1

Жёлтое утро

Зинаида Павловна Воронцова проснулась в шесть утра без будильника. Будильник у неё сломался одиннадцать лет назад, и новый она так и не купила — незачем. Сорок лет она вставала в шесть, чтобы к восьми быть в поликлинике номер два города Луговска, и организм, привыкший к режиму, на пенсии отказался перестраиваться. «Это не бессонница, — объясняла она дочери, когда та звонила из Москвы и ахала, — это дисциплина. У тебя, Ирочка, её никогда не было, вот ты и не понимаешь».

За окном дачного домика пели птицы. Солнце уже поднялось над березняком за рекой, и в саду всё блестело от росы — смородина, малина, кабачки, которые в этом году пёрли так, будто их кто-то подгонял. Пахло мокрой травой, флоксами и дымком — кто-то из соседей с утра пораньше растопил баню.

Зинаида Павловна села на кровати, нащупала ногами тапочки и первым делом, по привычке, взяла с тумбочки тонометр. Сто тридцать на восемьдесят пять. Пульс семьдесят два. Терпимо. Для шестидесяти восьми лет и после вчерашних двух часов на прополке моркови — даже хорошо.

— Пуговица, — сказала она. — Подъём.

Из-под кровати высунулась рыжая морда с длинными ушами. Такса Пуговица была восьми лет от роду, характер имела независимый, а нюх — такой, что однажды нашла на рынке кошелек, который Зинаида Павловна выронила за два ряда до того. Пуговица посмотрела на хозяйку одним глазом, зевнула, показав розовый язык, и снова спряталась под кровать.

— Как хочешь, — сказала Зинаида Павловна. — Только завтракать без тебя начну.

Морда появилась снова. Вся целиком. Пуговица знала слово «завтракать» лучше, чем своё имя.

* * *

Дача у Зинаиды Павловны была скромная — шесть соток в садовом товариществе «Рябинка», в четырёх километрах от города, на берегу речки Луговки. Домик в две комнаты с верандой, который ещё покойный муж Коля строил своими руками тридцать лет назад. Баня — маленькая, на одного, зато жаркая. Теплица из старых оконных рам. Яблони — три, сливы — две, вишня одна, но такая, что в урожайный год ветки ломались. И грядки. Зинаида Павловна относилась к грядкам так же, как когда-то к своим пациентам: строго, но справедливо. Кто болел — лечила. Кто ленился расти — пересаживала. Кто разводил тлю — получал по заслугам.

В «Рябинке» было восемьдесят участков, и Зинаида Павловна знала всех хозяев. Не только по именам — по давлению, по сахару, по холестерину, по тому, у кого какая печень и кто чем запивает таблетки. Половина «Рябинки» в своё время лечилась у неё в поликлинике. Вторая половина приходила к ней на дачу «просто посоветоваться» — с ушибленными

пальцами, с осиными укусами, с подскочившим давлением после спора с соседом из-за межи. Зинаида Павловна никому не отказывала. Говорила: «Покажите язык». И люди, сами не зная почему, показывали.

Она поставила чайник на плитку, насыпала Пуговице корма и вышла на крыльцо с кружкой.

Утро было хорошее. Июльское, тихое, тёплое. Над рекой поднимался туман. Где-то закукарекал петух — у Дятловых, через три участка; они в этом году завели кур и теперь вся улица просыпалась на час раньше.

А по главной дорожке «Рябинки», подпрыгивая на ухабах и тарыхтя, как трактор, несло нечто розовое.

* * *

— Зина-а-а! — закричало розовое ещё издали. — Зина, ты не спишь?!

— Уже нет, — сказала Зинаида Павловна.

Розовый скутер «Ласточка», купленный Людмилой Ивановной Пряхиной на семидесятилетие покойного мужа (муж не дожил до семидесяти, но скутер Люся всё равно купила — «пусть хоть что-то на память»), лихо развернулся у калитки, чуть не задев куст сирени, и заглох. С него слезла сама Люся — невысокая, круглая, румяная, в ярко-розовом платке, в розовой же ветровке и в резиновых сапогах с ромашками. В корзине на руле позвякивали банки.

Люся была подругой Зинаиды Павловны пятьдесят лет. С первого курса медучилища, куда Люся поступила за компанию и откуда сбежала через месяц, сказав: «Зина, я крови боюсь, я лучше в бухгалтеры». И пошла в бухгалтеры. И тридцать пять лет проработала главбухом на Луговском молокозаводе, пока завод не закрыли. Цифры она помнила лучше, чем дни рождения внуков. А разговаривала так, будто в радиусе километра все были глуховаты.

— Зина! — Люся распахнула калитку. — Ты что, забыла? Сегодня же конкурс!

— Не забыла.

— А чего тогда в халате?

— Потому что шесть утра, Люся. Конкурс в двенадцать.

— Ой, да какая разница! — Люся махнула рукой и стала доставать из корзины банки. Одна, вторая, третья. Все — с тёмно-рубиновым содержимым, закатанные, с бумажными крышечками в клеточку, перевязанными бечёвкой. — Смотри! Я выбрать не могу! Вот эта — из первого сбора, вишня ещё кисловатая была, но цвет — ты посмотри, какой цвет! Вот эта — из второго, с косточкой. А вот эта — без косточки, я три вечера сидела, булавкой выковыривала! Руки до сих пор красные!

Она показала руки. Руки и правда были красные — по локоть.

— Люся, — сказала Зинаида Павловна. — Ты каждый год выбираешь. И каждый год берёшь ту, что без косточки.

— Ну да. — Люся вздохнула. — И каждый год Эльвира меня обходит. Двенадцать лет подряд, Зина! Двенадцать! С этим своим крыжовником! Королевское, говорит, варенье. С орехами. С листом вишнёвым. Тьфу!

— А в этом году?

Люся выпрямилась. Глаза у неё загорелись.

— А в этом году, — сказала она торжественно, — я положила туда секрет.

— Какой?

— Секрет, Зина. На то он и секрет.

Зинаида Павловна отпила чаю.

— Ваниль, — сказала она.

Люся открыла рот. Закрыла. Посмотрела на подругу с обидой.

— Откуда ты знаешь?

— От тебя пахнет ванилью за три метра, — сказала Зинаида Павловна. — И на ветровке пятно. Сахарная пудра с ванилином. Ты её в последний момент добавляла, прямо в банку, когда закатывала. Неаккуратно.

Люся посмотрела на ветровку. Пятно было. Она потёрла его пальцем, лизнула.

— Ну тебя, — сказала она. — С тобой неинтересно. Ты как рентген.

— Сорок лет практики, — сказала Зинаида Павловна. — Садись. Чай будешь?

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.